

Меня давно интригует слово **Париж**. Речь идет о совершенно загадочном конечном звонком шипящем. Ведь по-французски этот ойконим пишется Paris (конечный глухой свистящий), а произносится вообще Пари, без какого-либо финального согласного. Правда, источник названия – этноним **паризии** («корабельники»: из кельт. *par* – «корабль») – содержит звонкий свистящий, и это указывает на исходную точку процесса, но не объясняет сам процесс, т. е. переход **з – ж**. В. А. Никонов ограничивается в этом случае констатацией факта: «привычное рус. написание не соответствует ни произношению, ни написанию подлинника». Е. М. Поспелов уточняет: «принятая в русском языке форма **Париж** усвоена в искаженном виде через польск. посредство». Отмеченный ученым «искаженный вид» имеется уже в польском источнике – *Paruż*, а также и в чеш. *Paříž*, откуда эта форма и пришла в польский язык вместе со множеством других слов культурной и религиозной сферы.

Общая интерпретация этого звукового изменения, выступающего только в старых заимствованных словах, предложена В. М. Истриным в его полемике с А. И. Соболевским в статье «К истории заимствованных слов и переводных повестей По поводу статьи Соболевского» (1905). Справедливо утверждая, что общеславянские заимствования и старые заимствования из греческого (**парус**=*φάρος*), а равно из восточных языков не содержат мены **с, з** на **ш, ж**, А. И. Соболевский сделал ошибочное заключение, что причина этой мены лежит в романских и германских языках и что

мена могла осуществляться во всех славянских языках уже в период их исторического существования: «Нет никаких указаний на то, что в основании передачи западноевропейских свистящих через славянские шипящие лежит какая-нибудь особенность славянской фонетики».

В. М. Истрин предложил в противовес этой концепции иное, более взвешенное решение: в переводной повести, именуемой специалистами «Сербская Александрия», «Париж, Менелауш, Ацилешь есть передача искусственная». И далее, уже по поводу другой переводной повести, «Троянской притчи»: «передача через ш и через ж и в данном случае указывает не на живое произношение, а на искусственное. Такую передачу мы и здесь находим лишь в собственных именах — в суффиксах -us, -es, -is, -as, между гласными (Брижеида) и в начале слова (Шимоишь=Simois). В передаче собственных имен, несомненно, существовала литературная традиция... Нужно иметь в виду, что в Троянской Притче большинство собственных имен оканчивается на ушь=us, и этот способ передачи, **когда-то, быть может, бывший фонетическим** (подчеркнуто мной — Ю. К.), стал традиционным». Развивая свои мысли, В. М. Истрин продолжает: «переводчик-славянин передавал неперебиваемые слова, как слышал в произношении учителей; поэтому все такие слова — книжные». Эта традиция, эта «переводческая литературная школа» принадлежит «одному небольшому периоду — конец XII и начало XIII в. и одному месту — Далмации и Боснии».

Принимая в целом эту концепцию В. М. Истрина, сделаю некоторые уточнения. Одно из древнейших заимствований с меной свистящего на шипящий состоялось раньше и в другом месте. Имеется в виду заимствованное в IX в. в Моравии слово *rapes* (совр. чеш. *parež*) «папа римский», которое пришло туда с миссионерами из Регенсбурга (старонем. *rapes*, старофранц. *rapes* из гр. *πάππας*—«отец»). Слово это было принято Кириллом и Мефодием (А. Брюкнер). Можно думать, что именно в Моравии и зародилась традиция этой мены, которая здесь отражала живое произношение, а традиционной, «искусственной» стала, после приобретения кирилло-мефодиевского авторитета, в XII—XIII в. в сербской литературной школе, удерживаясь также в чешском языке и получив заметное распространение в языке польском. Ср. современные польские имена **Амадеуш, Еремияш, Клаудиуш, Мариуш, Матеуш, Тадеуш, Томаш, Эугенюш, Юлиуш**, также **Шимон** (транскрипция Р. С. Гиляревского — Б. А. Старостина), польскую передачу античных именовании *Eneas, Fidasz, Horacjus, Owidiusz, Polibiusz, Tyberiusz, Wergiliusz* и др.

Далее. В древнерусских псковских памятниках с XIV в. (а более древних псковских памятников нет) наблюдается неразли-

чение шипящих и свистящих, ср. **Герашиму, искушьна, до шего дне, кладяжи, княжя (князя), также псенице, знаеси, в затву, сапозникъ.** Это неразличение сохранилось в местных говорах до сих пор: **шад, жубы, суба, зир.** Ф. П. Филин, описавший это явление наиболее обстоятельно, связывает его с древней территорией кривичей, находит те или иные формы неразличения (или хотя бы сближения) свистящих и шипящих далеко за пределами Псковщины (ср. и знаменитое «шизымь орломь подь облакы» в Слове о полку Игореве) и полагает, что явление это «представляет собой продукт развития праславянского звукового наследства, поддержанного иноязычным воздействием в балтийском районе, имевшим место приблизительно в VIII—IX вв.». Говоря об иноязычном воздействии, Ф. П. Филин подразумевает вероятное историческое различие свистящих и шипящих в балтийских языках, ср. латыш. *sirds*, лит. *širdis* «сердце». Замена шипящих звуков свистящими (мазуренье) известна в польских говорах. В. Н. Чекман констатировал широкое распространение шепелявого с", з" в белорусских говорах.

Уместно поставить вопрос о связи двух описанных явлений. (Напрашивается заключение, что праславянскому языку была присуща диалектная черта, выражавшаяся в неразличении либо мене свистящих и шипящих (после их возникновения). Черта эта дольше всего сохранялась в двух периферийных регионах — в Моравии (где получила литературную традицию, но вышла из живого употребления) и у кривичей (где устойчивой литературной традицией не получила, хотя и проникала в письменные тексты, но зато живет в устном употреблении и ныне).